

Зинаида Харитончик

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск
zkharitonchik@mail.ru

УНИВЕРБАТЫ-ОМОНИМЫ ИЛИ УНИВЕРБАТЫ-ПОЛИСЕМАНТЫ

Рассмотрение универбатов типа *маршрутка* с точки зрения производящих баз, словообразовательных средств и выражаемых значений приводит к выделению в их системе как несомненных омонимов, так и широкозначных и многозначных единиц с опосредованной связью значений. Тождество определительного элемента, остающегося после компрессии словосочетаний и потери определяемых слов, и выполнение им роли звена, связующего семантически разные идентичные формы, сближает универбацию и семантическую деривацию. Трактовка универбатов как полисемантов поддерживается гиперо-гипонимическими, фреймовыми и др. связями их значений. Таким образом, универбаты-полисеманты являются частью класса многозначных дериватов, а специфика связи значений, объединяющая универбаты и аффиксальные слова, является семантической чертой, отличающей производные единицы от многозначных простых слов с их непосредственной связью значений.

Ключевые слова: универбат, ономаσιологический признак, омоним, полисемант

The study of univerbs of *маршрутка* type viewed from their underlying bases, word formation means and meanings expressed brings about the differentiation within their system of homonyms, on one hand, polysemantic words and words with wide semantics, on the other, with their indirectly tied meanings. The identity of the specifying element which remains after the compression of the word combination and loss of the specified word, together with its role as a semantic link tying identical forms unites univerbation and semantic derivation. The interpretation of univerbs as polysemantic units is supported by hypero-hyponymic, frame, etc. relations between their meanings. Polysemantic univerbs thus become an integral part of the class of polysemantic derivatives while the specific nature of the semantic relationship between their meanings which unites univerbs and affixal derivatives is a semantic feature which draws a line between polysemantic derivatives and polysemantic simple words characterized by the immediate ties of their meanings.

Key words: univerb, onomasiological feature, homonym, polysemantic word

Из всех видов компрессивных процессов, значительно активизировавшихся в русском языке в последние десятилетия в связи с активным проникновением элементов разговорной речи во все жанры и стили его функционирования, универбация, под которой понимают в широком смысле способ образования слов на базе словосочетаний, а в узком “образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично” (Лопатин 1997: 577), является, по-видимому, одним из самых интересных феноменов. Несмотря на постоянный в течение всего XX столетия и резко возросший в последнее время интерес со стороны лингвистов к универбации как процессу, если не универсальному, то достаточно распространенному в самых разных (не только славянских) языках (см., например, описание универбации в английском, французском, немецком и других языках (Елдышев 1985, Косарева 2003, Кардубан 2013, Курило 2005, Klégg 2002, Антропова 2006 и др.), проблемы ее определения, природы формирования словного эквивалента на базе словосочетания, диапазона действия, регулярности и продуктивности, особенностей функционирования универбатов и т.д. и т.п. далеки от своего решения. Из многочисленных вопросов, возникающих при исследовании универбации, под которой мы будем понимать образование суффиксально маркированных единиц типа *гуманитарка*, *двухэтажка*, *маршрутка* и др. в отличие от субстантивации, аббревиации и других сопряженных процессов, мне бы хотелось затронуть, во-первых, деривационную сущность данного способа образования однословных единиц от устойчивых словосочетаний, многие из которых имеют терминологический характер и функционируют параллельно с возникшими на их базе однословными наименованиями, и, во-вторых, предложить некоторую их семантическую характеристику. Обращение к этим же проблемам коллег по Комиссии, в докладах которых также обсуждается вопрос о деривационной природе универбации и раскрываются так или иначе семантические аспекты универбов, указывает на их ключевой характер. Используемые языковые данные взяты из словарей современного русского языка и текстов СМИ.

1. Размышляя о сущности универбации, необходимо подчеркнуть, что в словообразовании, осуществляющем наряду с многочисленными ономасиологическими заданиями разного типа компрессию исходных единиц, наблюдаются строгие закономерности соотношения формы и содержания, в целом, как утверждает теория Естественной морфологии Майерталера-Вурцеля-Дресслера (Dressler 1987; Mayerthaler 1981;

Wurzel 1984), характерные для языка и согласующиеся как с иконичностью языковых знаков, так и когнитивными способностями человека “восстанавливать” на основе формально ограниченных входных данных богатство репрезентируемого содержания. Принимая это положение в качестве исходного тезиса, нельзя согласиться с интерпретацией универбации и близких по своей сущности процессов аббревиации, субстантивации, при которых совершается формальное преобразование комплексной исходной единицы (преимущественно опущение какого-то или каких-то ее компонентов или их частей), как формирования варианта слова/словосочетания, его альтернативной формы (дублета). Неправомерно, на мой взгляд, отказывать образуемым единицам в статусе производных слов, а сами процессы характеризовать как имитацию словообразовательного акта (Дьячок 2015: 28). Ср. также ее более раннее утверждение:

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, универбы являются альтернативными формами номинативом исследуемого типа и, во-вторых, являются их речевыми реализациями. В связи с этим также было бы некорректным считать универбы (универбаты) результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения – деривационным (Дьячок 2009: 22).

Чисто семантический критерий, или денотативная идентичность значений, выражаемых новыми трансформами, содержанию исходных единиц и видение в данных процессах только действие принципа экономии энергии и времени явно недостаточны, ибо в стороне остается аналогия мотивирующих универбаты словосочетаний с мотивирующими классические производные суждениями (Кубрякова 1981). На задний план уходят функциональные (эффективность и экспрессивность более краткой формы), когнитивные (замена родового наименования видовым, иная когнитивная значимость нового обозначения) и другие характеристики данных процессов. Функции словообразования сводятся сторонниками вариантной концепции универбации лишь к одной его прототипической функции – собственно номинативной, предполагающей обязательное выражение некоторого нового содержания новой производной единицей, в то время как другие: конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая, о которых так убедительно писала Е. А. Земская (Земская 1992: 8–12) не рассматриваются. Из поля зрения исчезает также (и это, по-видимому, главное), что словообразование в процессуальном плане представляет собой целую систему, включающую разные по своему типу формальные операции, связанные соответ-

ственно с разными семантическими преобразованиями. Важно, на мой взгляд, осознавать, что в словообразовании действует общий закон формальной асимметрии, согласно которому любые производные слова, являясь свернутым трансформом некоторого мотивирующего комплекса, некоторого синтаксического целого и сохраняя в том или ином преобразованном виде мотивирующие их единицы, всегда характеризуются формальной структурой меньшей длины. Однако в общем стремлении к более экономной форме производящие единицы подвергаются формальным изменениям в разной степени, и это приводит к существованию в словообразовании градуируемой шкалы представленности исходных единиц, в которой находит прямое отражение вариативность их формальной репрезентации в производных словах. Необходимо также признать и зависимость степени возможных семантических преобразований мотивирующих единиц и их отражения в семантике дериватов от типа формальных изменений. Иначе говоря, для системы словообразования характерна и шкала семантических преобразований мотивирующих единиц, и соответственно типов смыслов, которые могут быть выражены или приращены к их семантике. Чем больше формальных изменений претерпевает производящая база, будь то слово или словосочетание, тем меньше в ходе деривационных процессов разрешается ее семантических модификаций. Не случайно, что там, где исходные единицы представлены в дериватах наиболее полно (корень, основа или словоформа), там возможно и выражение на их базе кардинально новых значений (ср. формирование словообразовательных значений деятеля, действия, места действия и многих других, что не означает, однако, полной выводимости лексических значений дериватов). Если же взять другую полярную точку формальной шкалы – аббревиацию, при которой исходная единица, в подавляющем большинстве случаев многокомпонентное образование, представлена в аббревиатурах минимальными формальными отрезками – слогом, буквой и т.д. в зависимости от типа аббревиации, а также примыкающие к ней на шкале универбацию и субстантивацию, то в них семантические модификации производящих единиц минимальны и сводятся преимущественно к стилистико-функциональным. Обязательным при декодировании образуемых слов становится соответственно установление формальной корреляции производной (компрессивной) формы с исходной, или реконструкция мотивирующей единицы, и установление на ее основе референциальной соотнесенности нового образо-

вания, что и предполагает его расшифровка. Не случайно, например, что подавляющее число аббревиатур не демотивируется, приобретая статус единственного выражения того или иного содержания (типа *радар*, *лазер* и др.), но сосуществует в виде сокращенных наименований, употребление которых сопровождается в тексте наличием когнитивно-коммуникативных опор для распознавания их значений в виде полных развернутых наименований, предшествующих или последующих за аббревиатурой, гипонимов, гиперонимов, синонимов и т.д., позволяющих однозначно поместить сокращенное имя в соответствующий контекст (см. подробнее (Курило 2005) в английском и (Харитончик 2004) русском языках).

Таким образом, в компрессивных процессах, включающих и образование универбов типа названных ранее *маршрутка*, в которых роль ономазиологического базиса берет на себя суффикс, наблюдается вследствие опущения определяемого или определяющего слова переход от эксплицитного комплексного наименования к частично имплицитному. Этот переход, приводящий к значительной экономии на поверхностном уровне, влечет за собой минимальные семантические и одновременно кардинальные функционально-стилистические изменения производных единиц, что не позволяет трактовать их как эквиваленты, как это утверждает Н. В. Дьячок, исходных наименований. Денотативно тождественные, они не совпадают в коннотативных компонентах своих значений, и именно это заставляет многих ученых вместо эквивалентности говорить о смысловой соотнесенности такого рода единиц с их мотивирующими словосочетаниями, или синонимичности, придавая им статус новых слов, а не вариантов исходного слова, а сам процесс относить к словообразованию. Правы, на мой взгляд, В. А. Косова и Сунь Мяо, а также и их многочисленные предшественники (см. обзор в (Елдышев 1983)), утверждая, что

Универбация служит, таким образом, механизмом деривационной „реструктуризации“ стилистических ресурсов русского языка. Переводя раздельно оформленные номинации в естественную форму языкового знака - слово, она ускоряет и упрощает обмен информацией; стилистически маркируя, порождает „средства опознания “своих”“,...; экспрессивно (эмоционально / оценочно / образно) насыщая, психологически приспособливает книжную лексику к условиям обыденного общения в среде себе подобных (Косова, Сунь Мяо 2015: 72).

Необходимо подчеркнуть, что переход к более скрытой, имплицитной форме репрезентации после того, как некоторая мысль получила свое

развернутое наименование, полностью согласуется с общими принципами словообразования (здесь я солидарна с А. А. Лукашанцем, А. В. Никитевичем и др.) и, шире, общими закономерностями нашего мышления. С когнитивной точки зрения описываемые компрессивные процессы словообразования, разделяя по своей природе основополагающий для интеллектуальной деятельности человека принцип соединения разных сущностей на основе их смежности, являются, как отмечал еще Г. Стерн (Stern 1931: 167, 237–281), частным случаем метонимии в синтаксической ее разновидности и фактически близки сочетаниям типа *слушать (пение) птиц, выдвигать на (должность) главного инженера* и др., рассматриваемых в докладе О. П. Ермаковой. Думается, что в будущем нас ждет общая типология языковых выражений, в которой будет раскрыто все их многообразие и дана, несомненно, богатая картина действий, выполняемых в языке на основе нашей способности к инференции, способности конструировать на базе сравнительно ограниченных эксплицитных выражений, имеющих на входе, огромную толщу информационного, употребляя метафору Е. С. Кубряковой, айсберга. Такая типология не только значительно расширит разработанную Дж.Байби типологию значений, которые предстают в языках мира предпочтительно или только как грамматические значения (Вубее 1985), но демонстрируя стратификацию знания по типам и способам его представления в языке, сможет дать ученым еще один ключ к тайнам нашего мышления.

Подчеркивая весьма часто совершаемый говорящим предпочтительный выбор частично или полностью имплицитного способа выражения тех или иных смыслов, нельзя забывать о следующем. Учитывая нашу способность легко восстанавливать пропущенные звенья, говорящий тем не менее не отказывается и от полнословного наименования, выбирая в зависимости от контекста коммуникации и слушателя(ей), полную или сокращенную форму выражения. Таким образом и в выборе формы репрезентации мы руководствуемся тем же принципом, что и в выборе передаваемого смысла. „И когда, – как пишет Р. Джекендофф, – я не знаю, кто составляет мою аудиторию, за исключением того, что они говорят по-английски, я должен выбрать подходящий нейтральный или минимальный смысл, который, возможно, и имел в виду Фреге, называя его публичным“ (Jackendoff 2002: 284–285).

2. Признание за сжатой формой мотивирующего словосочетания статуса производного слова влечет за собой ряд серьезных последствий,

в первую очередь лексического характера, ибо новая цельноформенная единица оказывается в языковой системе зачастую формально идентичной, с одной стороны, уже существующим словам (типа *белка* ‘небольшой лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его’ и *Белка* ‘Белорусский вокзал’, *белка* ‘белая горячка’, а также способной закреплять за собой не одно значение, типа *персоналка* ‘1) персональное дело; 2) персональный компьютер; 3) персональная машина; 4) персональная охрана’, с другой. Соответственно встает вопрос об омонимии/полисемии универбатов. Разброс семантических отношений, наблюдаемых в данной подсистеме, не дает возможности однозначно признать какую-либо одну из двух сложившихся в лингвистической литературе интерпретаций этих образований: как омонимов (более распространенная точка зрения) или же как многозначных слов, тем более что за той или иной трактовкой универбатов весьма часто не следует раскрытия каких-либо ее оснований.

Осознавая всю сложность разрешения проблемы омонимии/полисемии на данном этапе развития лингвистики, а также преимущественную опору в поиске решений на семантические (субъективные) критерии, отметим, что в подсистеме универбатов современного русского языка имеют место и омонимичные, и полисемантические отношения, и, возможно, широкозначность. Так, не вызывает сомнения омонимичность слов типа *курок* ‘часть ударного механизма в ручном огнестрельном оружии’ – *Курок* ‘Курский вокзал в Москве’, *веник* ‘связка веток, прутьев, сухих длинных стеблей’ – *веник* ‘венерический больной (мол., угол., мед.)’, *белка* ‘небольшой лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его’ – *Белка* ‘Белорусский вокзал’, *белка* ‘белая горячка’ и др., демонстрирующих совпадение универбатов по форме с производными словами и отсутствие между ними какой-либо семантической связи.

Не столь однозначно признание омонимии или полисемии производных слов. Для определения их лексической природы релевантным представляется последовательное рассмотрение единиц данного типа с точки зрения: а) производящих баз, б) словообразовательных средств и, что особенно важно, в) выражаемых словообразовательных значений. С этих позиций бесспорными омонимами являются случаи отраженной словообразовательной омонимии типа *белочка* ‘уменьш.-ласк. к *белка*’ – *Белочка* ‘Белорусский вокзал’, в основе которых лежат омонимичные производящие базы *белка* ‘небольшой

лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его' – *Белка* 'Белорусский вокзал'. Омонимичными являются также слова типа *полька* 'женщина польского происхождения' и *полька* 'полевая сумка', *казачок* 'уменьш.-ласк. к *казак*' и *казачок* 'Казанский вокзал (жарг.)', *индюшка* '(разговорное) крупная домашняя птица сем. куриных' – *индюшка* 'индийский чай (угол., торг., шутл.-ирон.)' и др., различающиеся своими мотивирующими сочетаниями, формальные преобразования которых привели к идентичности форм, сохраняющих каждая свою индивидуальную семантическую характеристику. Руководствуясь различиями производящих баз и выражаемых словообразовательных значений, возникших в результате разных словообразовательных процессов, можно, по-видимому, признать словообразовательными омонимами и производные типа *разделка* от *разделявать*, *разделать* и *разделка* 'индивидуальная гонка с разделным стартом', *опаска* '(разговорное) осторожность в предвидении чего-нибудь нежелательного, опасности' и *опаска* '(ол., уг.) опасная бритва', *птичка* 'уменьш.-ласк. к *птица*' – *птичка* 'птичий рынок в Москве', *высотка* '(разговорное) небольшая возвышенность, горка' и *высотка* 'высотное здание', *вышка* 'высокое строение' и *вышка* 'высшая мера наказания', 'высшее училище', 'высшая школа экономики'. Разные словообразовательные акты с разными словообразовательными значениями со скрытой за конечной формой разницей производящих баз лежат и в основе производных наименований лиц женского пола *пиратка*, *гражданка*, *художница*, *санитарка*, *комсомолка* и универбатов *пиратка* 'пиратский контент', *гражданка* '1) неформенная, гражданская одежда. 2) невоенная, гражданская жизнь в отличие от службы в армии', *художница* 'спортсменка, занимающаяся художественной гимнастикой (спорт.)', *санитарка* 'санитарная машина', *комсомолка* 'газета „Комсомольская правда“' и другие. По тем же основаниям различаются также *холостяк* 'холостой мужчина (обычно о немолодом мужчине)' и *холостяк* 'холостой пробег'), *краснота* 'красный как отвлеченный признак' и *краснота* 'красное вино (жарг.)', *глубинка* 'глушь, захолустье' и *глубинка* 'глубинная бомба' и им подобные слова. Признавая их словообразовательными омонимами, аналогично грамматическим или лексико-грамматическим в предложенной А. И. Смирницким общей типологии омонимов, построенной на типе значения, различающего идентичные формы, следует одновременно отметить и определенную смысловую близость данных форм, продиктованную принадлежностью их производящих

баз к единому словообразовательному гнезду. Из этого вытекает возможность их трактовки как многозначных лексических единиц, реализуемая в некоторых лексикографических источниках. Ср., например, описание слов *гражданка*, *краснота*, *японка* и др. в Толковом словаре русского языка онлайн (Толковый словарь русского языка онлайн). Таким образом, словообразовательная омонимия не всегда ведет к лексической, или, как отмечает Л. И. Осипова, “Суффиксальные универбы могут вступать в омонимичные отношения со словами других словообразовательных типов, но при этом, как правило, возникает не лексическая, а словообразовательная омонимия” (Осипова 2004).

Еще более проблематичной кажется омонимичная интерпретация универбатов, возникающих в результате многократных словообразовательных актов на базе словосочетаний с тождественным определительным словом, но с разными определяемыми и соответственно с разной денотативной отнесенностью. Это производные типа *коммуналка* ‘коммунальная квартира, коммунальные расходы, коммунальные услуги’, *служебка* ‘служебная записка, служебное помещение, служебное жильё’, *овсянка* ‘овсяная крупа, каша’ и многие другие. В пользу их описания как многозначных слов говорит несколько факторов. Во-первых, тождество определительного элемента, остающегося после компрессии словосочетаний и потери определяемых слов, скорее не разъединяет, а семантически объединяет результаты разных словообразовательных актов. Выполняя роль звена, связующего семантически разные идентичные формы, определительный компонент создает возможность для потенциальной широкозначности производной единицы и ее лексикографической дескрипции в виде формулы “что-л., характеризующее указанным признаком”, аналогичной реальным лексикографическим дефинициям производных слов типа “относящийся к тому, связанный с тем, на что указывает производящая база”. Ср. также дескрипцию слова *плетенка* ‘1. Плетёное изделие. 2. Продолговатый витой белый хлеб’ в Толковом словаре русского языка онлайн, в которой за первым значением скрывается то, что *плетенкой* называется и ‘плетеная мебель’, и ‘корзина, сплетенная из прутьев’, и ‘обувь с плетеным верхом’, и ‘леска’, и ‘узор из плетеных линий’. К этой же группе принадлежат и *пуховик* ‘1. пуховая перина, 2. куртка или пальто на пуху’, *ковбойка* ‘1. плотная клетчатая рубашка простого покроя с отложным воротом, 2. шляпа’, *Таганка* ‘1. театр на Таганке, 2. Таганская тюрьма’, *подземка* ‘1. подземный переход,

2. подземная часть метро’, *секретки* ‘1. гайки с секретом, 2. секретные ключи, 3. секретные болты’ и многие другие, широкозначность исходной формулы которых открывает большие возможности для потенциальных универбатов. Так, как убедительно демонстрируют данные Юань Цуй (Юань Цуй 2007), слово *отказник* употребляется более чем в 20 частных словообразовательных значениях, которые автор сводит в три группы: *Отказник*¹– тот, кто отказался 1) участвовать в переписи населения (МК, 20. 07. 01); 2) служить в армии (Известия, 04. 12. 05); 3) играть за определенную команду (Газета, 10. 08. 02); 4) участвовать в соревновании (www. rtr-sport. ru; 17. 10. 05); 5) от ребенка (www. mosreg. ru; 26. 09. 05); 6) от медали (Агентство ДО-инфо, 06. 03. 05); 7) от льгот (Orel.tv); 8) от жилищных сертификатов (28. 11. 05, www. ltv. ru); 9) от мандата (Грани.ру, 22. 12. 04); 10) принять сырой проект бюджета (Время новостей, 25. 11. 05); 11) платить „дань“ (местной мафии) (26. 11. 05, Инф. агентство Regnum); 12) от получения российского паспорта (АНН, 01. 10. 05); 13) принять единую Европейскую Конституцию (Город, 06. 03. 05); 14) от поста президента (Курсор.ру); 15) от контакта с ВИЧ-инфицированными (КМ.ру, 29. 11. 05); 16) переселяться (с арабских территорий) (Вести, 17. 08. 05); 18) давать объяснения членам комиссии (Время новостей, 21. 11. 05); 19) делать прививку (КП, 27. 09. 95); *Отказник*² – ‘тот, от кого отказались’ 1) ребенок, от которого отказались родители (22. 10. 05, Тверская жизнь); *Отказник*³ – ‘тот, кому отказали’ 1) в выезде за границу (в советское время); 2) во въездной визе (МН, 10. 12. 04); 3) в получении лицензии (Turist.ru); 4) в праве проводить шествия и демонстрации (НГ, 25. 11. 05).

Референциальная многоплановость, затемняющая и отодвигающая на второй план общность ономаσιологического признака, скрывает и близость универбатов метафорическим переносам, обязательным условием для которых является, как известно, наличие некоторого концептуального интегративного пространства в виде семантического компонента, общего как для цели, так и для источника номинации. Функциональная аналогия универбации и метафоры в этом плане еще более склоняет нас к трактовке универбатов ранее названного типа как полисемантов с опосредованной связью их значений, а не как омонимов. Универбаты-полисеманты с опосредованной связью своих значений становятся частью класса многозначных дериватов, дополняя и расширяя подсистему аффиксальных производных слов, полисемантность которых возникает в результате вовлечения в

акты словообразования производящих баз как в основных, так и вторичных, хотя не так часто, значениях (Харитончик 1971). Ср. идею отраженной полисемии Л. И. Осиповой (Осипова 2004).

Вторым немаловажным фактором в пользу рассмотрения единиц данного типа как многозначных является связь их значений. Эта связь может быть гиперонимической (*выделенка* ‘выделенная линия’, ‘выделенная полоса для общественного транспорта на трассе’, *служебка* ‘служебное помещение’, ‘служебное жилье’) или метонимической (*овсянка* ‘овсяная крупа’, ‘каша из овсяной крупы’; *гречка* ‘гречневая крупа’, ‘каша из гречневой крупы’; *шотландка* ‘пёстрая клетчатая ткань’, ‘клетка’, ‘юбка из пёстрой клетчатой ткани’). Между разными значениями универбатов могут устанавливаться также фреймовые отношения (*коммуналка* ‘коммунальная квартира’, ‘коммунальные расходы’, ‘коммунальные услуги’; *гарантийка* ‘гарантийный отдел’, ‘гарантийная мастерская’, ‘гарантийный чек’; *уголовка*, ‘уголовное преступление’, ‘уголовные преступники’, ‘уголовный розыск’ и др.). Значения некоторых универбатов могут различаться лишь направленностью характеризующих определяемое предикатов (ср. *аварийка* ‘машина, потерпевшая аварию’, ‘машина, приходящая на помощь в аварии’), что также наблюдается в производных аффиксальных словах. Специфика связи значений, сближая универбаты и аффиксальные слова, становится семантической чертой, отличающей производные единицы от многозначных простых слов с их непосредственной связью значений.

Главным при этом представляется становление системных отношений иного плана – отношений нетаксономических. В отличие от таксономических объединений, основанных на общности категориальных сем денотативных значений производных слов, благодаря которой последние входят в соответствующие семантические поля, или лексико-семантические группы, нетаксономические группировки объединяют производные единицы, характеризуемые тождеством семантического компонента, детерминируемым общностью мотивирующих их единиц. Таким образом словообразование, наряду с другими функциями, выполняет еще одну – системообразующую – функцию, и формируя разноплановые типы объединений слов, расширяет также возможные типы семантических связей слов в лексиконе, что, несомненно, способствует эффективному и моментальному поиску нужной единицы в процессе коммуникации.

Подводя итоги рассмотрению универбации в русском языке, необходимо еще раз подчеркнуть, во-первых, деривационную ее природу, обусловленную структурными и когнитивными характеристиками данного процесса, и, во-вторых, неоднородность семантических отношений в подсистеме универбатов русского языка, вызванную сосуществованием в ней омонимичных, многозначных и широкозначных универбатов.

Литература

- Наталья А. АНТРОПОВА, 2006: *Словообразование немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного)*. Автореф. дис... д-ра филол. наук: 10. 02. 04. Москва.
- Наталья В. ДЬЯЧОК, 2015: *Універбація в російській мові: структурно-семантичний та ономаціологічний опис*. Автореф. дис... д-ра філол. наук: 10. 02. 02. Київ.
- Наталья В. ДЬЯЧОК, 2009: О трансформации универбов в лексические дериваты. *Східнослов'янська філологія*. Зб. наук. праць. Вип. сімнадцятий. Мовознавство. Горлівка, 17–24.
- Андрей Н. ЕЛДЫШЕВ, 1983: Проблемы аббревиатурного словообразования. *Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме*. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 114–152.
- Андрей Н. ЕЛДЫШЕВ, 1985: Строение и мотивированность сокращенных слов (К проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. Москва.
- Елена А. ЗЕМСКАЯ, 1992/2005: *Словообразование как деятельность*. Москва: Комкнига.
- Юлія М. КАРДУБАН, 2013: *Абрэвіятуры ў англійскай і беларускай мовах і іх намінацыйны патэнцыял* : Дис. ... канд. філал. навук: 10. 02. 02. Мінск, Мінскі дзярж. лінгвіст. ун-т.
- Оксана Г. КОСАРЕВА, 2003: *Аббревиация в языке современной прессы (На материале французского, английского и русского языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Вера А. КОСОВА, СУНЬ МЯО, 2015: Функциональная семантика универбов в русских социолектах. *Филология и культура. Philology and culture*. №3 (41), 67–72. //<https://m.cyberleninka.ru/article/v/>
- Елена С. КУБРЯКОВА, 1981: *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Москва: Наука.

- Наталия А. КУРИЛО, 2005: *Сокращения в современном английском языке: функциональный аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. 10. 02. 04. Минск: Мин. гос. лингвист. ун-т.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 1997: Универбация. *Русский язык. Энциклопедия*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 577.
- Людмила И. ОСИПОВА, 2004: Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи. *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Тезисы докладов II Международного конгресса русистов-исследователей. 18–21 марта 2004 г. Москва, 285–286.
- Толковый словарь русского языка онлайн.*
- Зинаида А. ХАРИТОНЧИК, 2004: О сохранении мотивированности аббревиатур. *Проблемы теорії і історії славянського словаутварення*. Доклади Шостай міжнародної канф. Камісії па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь, 2–6 сакавіка 2003 г. Мінск: Права і эканоміка, 176–184.
- Зинаида А. ХАРИТОНЧИК, 1971: *Семантика суффиксального производного слова*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Московский госпединститут иностранных языков им. М. Тореза.
- Юань ЦУЙ, 2006: *Коллоквиализация языка современной прессы (на материале словообразования имен существительных)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова.
- Joan BYBEE, 1985: *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: J. Benjamins Publ. Co.
- Wolfgang DRESSLER, 1987: Word formation as Part of Natural Morphology. DRESSLER, W. U., MAYERTHALER, W., PANAGL, O., WURZEL, W. (Hg.). *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam – Philadelphia, 99–125.
- Ray JACKENDOFF, 2002: *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Aleš KLÉGR, 2002: Wellingtons, or elliptic shortening. *Acta Universitatis Carolinae – Philologica 2. Prague studies in English*. XXIII, 95–110.
- Willi MAYERTHALER, 1981: *Morphologische Natürlichkeit*. Wiesbaden.
- Gustaf STERN, 1931: *Meaning and Change of Meaning. With Special Reference to the English Meaning*. Göteborg.
- Wolfgang WURZEL, 1984: Flexionsmorphologie und Natürlichkeit: ein Beitrag zur morphologischen Theoriebildung. *Studia Grammatika* 21. Berlin.

Univerbs: Homonymous or Polysemantic

The paper is an attempt to find structural and cognitive analogies between univerbalization and other types of word formation in order to account for the derivational character of the process and its resulting units and to describe semantic properties of univerbs of *маршрутка*- type in Russian. The semantic heterogeneity of Russian suffixal univerbs which comprise homonyms, polysemantic words and units with wide semantics is revealed. Homonymy within the domain of suffixal univerbs arises due to their formal identity with semantically unrelated simple units (*Белка* 'Белорусский вокзал' – *белка* 'зверек') or is a case of reflected homonymy (*Белочка* 'Белорусский вокзал' – *белочка* 'зверек'), while polysemy results due to the multiple compression of underlying word combinations with identical specifying elements. The polysemy of the univerbs of this group is supported by various semantic relations (hyponymic, metonymic, etc.) which unite different meanings of the corresponding forms into one semantic structure (*коммуналка* 'коммунальная квартира, коммунальные расходы, коммунальные услуги', *гречка* 'гречневая крупа', 'каша из гречневой крупы', etc.).